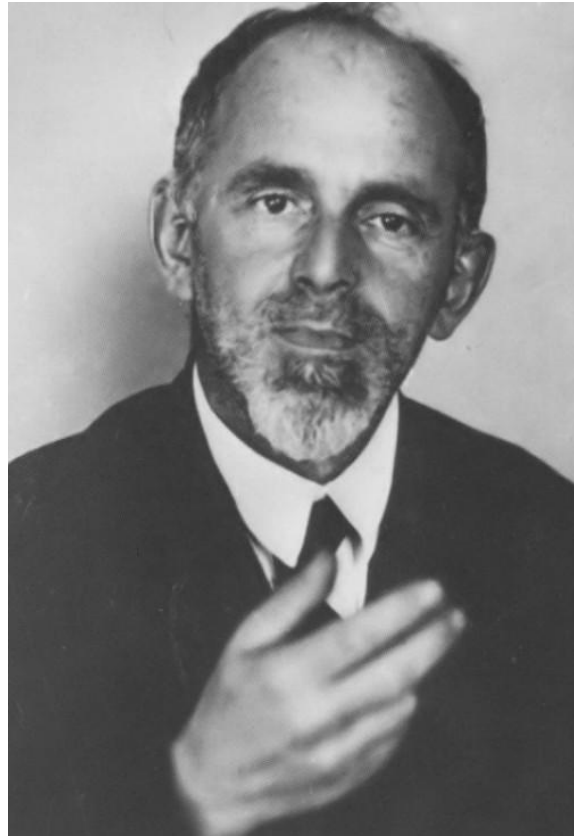

Избранные стихотворения Мандельштама

Сборник «Камень» (1913,1916)

Собор Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris) — строился с 1163 по 1345 г. Расположен в восточной части острова Сите, на месте первой христианской церкви Парижа — базилики Святого Стефана, построенной, в свою очередь, на месте галло-римского храма Юпитера.

Notre Dame (1912)

**Где римский судья судил чужой народ -
Стоит базилика, и - радостный и первый -
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.**

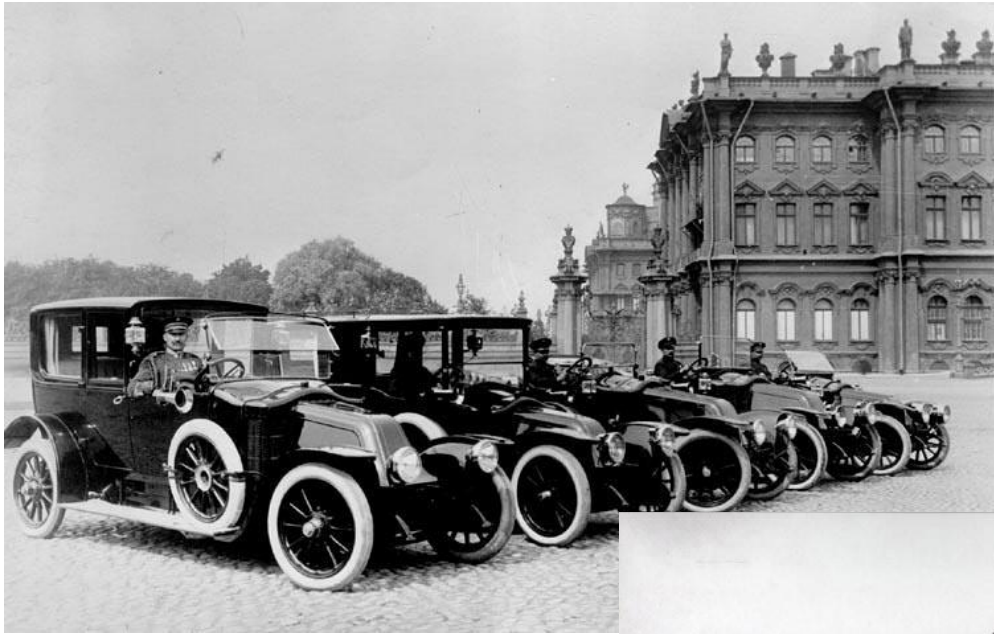
**Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.**

**Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом - дуб, и всюду царь - отвес.**

**Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, -
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...**

Петербургские строфы (1913)

Н.С. Гумилеву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, как броненосец в доке, —
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Порфира – верхняя торжественная одежда государей, широкий и долгий плащ багряного шелка, подбитый мехом горносталя.

Власяница - грубая волосяная одежда монаха, аскета.

**Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...**

**Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.**

**Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!**

Сноб - человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов. Намек на Евгения Онегина и его хандру (см. 1 глава романа в стихах «ЕО»).

Сбитень - горячий напиток из меда с пряностями, сайки - род небольших сдобных булок.

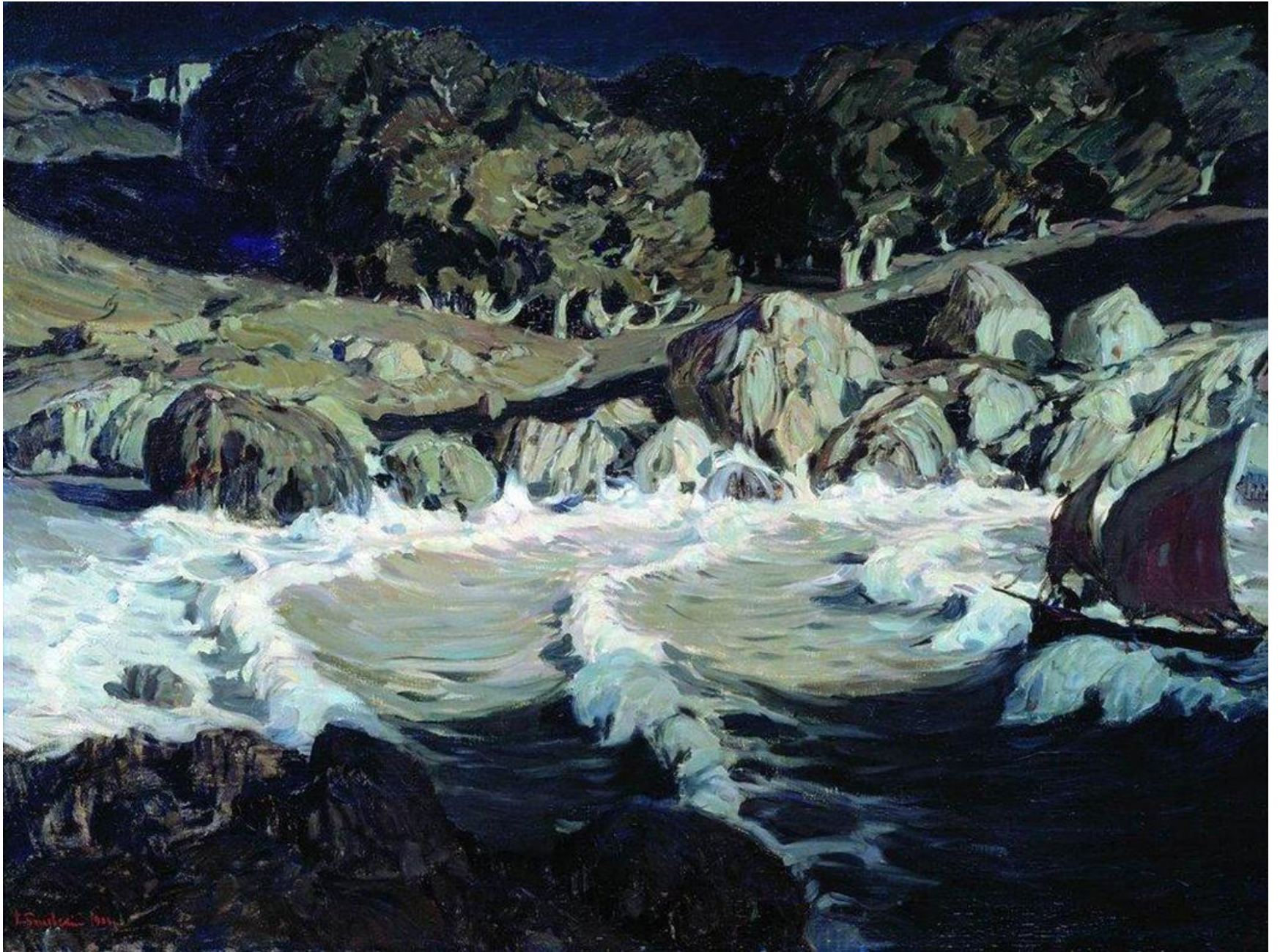
Чудак Евгений – главный герой поэмы «Медный всадник»: «О чем же думал он? о том,/

Что был он беден, что трудом/ Он должен был себе доставить/ И независимость и честь...».

Wassily Kandinsky

1906

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины:

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —

На головах царей божественная пена, —

Куда плывете вы? Когда бы не Елена,

Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.

Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,

И море Черное, витийствуя, шумит

И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

«Иллиада» Гомера открывается (2 песня) перечислением кораблей армии греков.

«Божественная пена» – образ, связывающий ахейцев с морем.

Елену, жену Менелая, похитил Парис. Это стало поводом для Троянской войны.

«И море, и Гомер – все движется любовью» - 1. Из пены моря на острове Кипр появилась Афродита, 2. и Гомер – метонимия: и герои Гомера, ахейцы.

Витийствуя – создавая стихи. Море Черное – стих-е написано в Крыму летом 1915 г.

Ленинград (ноябрь 1930)

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Н.Я. Мандельштам:

«Стихотворение сильно распространилось в списках, и его, видимо, решили легализовать печатаньем. В дни, когда оно напечаталось, мы жили на Тверском бульваре, насквозь простукаченные и в совершенно безвыходном положении. Писались стихи в Ленинграде, куда мы поехали после Москвы - на месяц, в дом отдыха ЦЕКУБУ. Это когда Тихонов объяснил О.М., чтобы мы поскорее убирались из Ленинграда – «как на фронте»... Какой-то дружелюбный человек, представитель «Известий», предупредил О.М.: поменьше читайте эти стихи, а то они в самом деле придут за вами».

«Вырванный с мясом звонок» – звонок в квартиру М. (8-я линия, д.31, кв.5) был действительно с корнем вырван.

**За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.**

**Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...**

**Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.**

**Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.**

17 -- 18 марта 1931, конец 1935

Домашнее название — «Волк». Ср. в письме М. А. Булгакова К. С. Станиславскому от 18 марта 1931 г. (!): «На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк... Со мной и поступили, как с волком. И несколько лет гнали меня, по всем правилам литературной садки в огороженном дворе» (цит. по: Чудакова М. Жизнеописание М. А. Булгакова.). Ср. также запись в дневнике В. Яхонтова (июль 1931 г.): «он затравленным волком готов был разрыдаться и действительно ведь разрыдался, падая на диван тут же, как только прочел (кажется, впервые и первым) — мне на плечи бросается век-волкодав, но не волк я по крови своей».

Последняя строфа определилась только в Воронеже в 1935 г.:

1. И лежать мне в сосновом гробу.
2. И во мне человек не умрет.
3. И неправдой искривлен мой рот.

Окончательный вар-т:

И меня только равный убьет.

Когда С. Липкин сказал, что это «лучшее стихотворение двадцатого века», Мандельштам ответил: «А в нашей семье это стихотворение называется «Надсоном», имея в виду, возможно, совпадение с размером стихотворения Надсона «Верь, настанет пора и погибнет Ваал...» Но, скорее всего, дело было в другом. «Про «Волка» О. М. говорил, что это вроде романса, и пробовал ввести «поющего».

Варианты начала:

А.) Не табачною кровью газета плюет,
Не костяшками дева стучит, —
Человеческий жаркий искривленный рот
Негодует, поет, говорит —

Б.) Золотились чернила московской грязцы
И пыхтел грузовик у ворот
И по улицам шел на дворцы и морцы
Самопишущий черный народ.

«пробел» шли труда чернецы
Как шкодливые дети вперед
Голубые песцы и дворцы и морцы
Лишь один кто-то властный поет «:»

Морцы от. Мор (?) – массовая эпидемия, смерть.
Чернецы – монахи.

Вариант середины стиха:

**Замолчи! Я не верю уже никому
Я такой же как ты пешеход
Но меня возвращает к стыду моему
Твой грозящий искривленный рот.**

**Я — вишневая косточка детской игры
Но в безводном «пророческом?» рву
Я — трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю зачем я живу.**